

Статья посвящена особому символическому дискурсу города, в основе которого лежит антропоморфизация его архитектурного и пространственного тела. «Анатомическая» оптика как города, так и урбанизированного ландшафта в целом имеет давнюю историю и, трансформируясь, продолжает определять восприятие города и региона в наши дни. Важнейшее место в символической анатомии города занимает образ сердца. В тексте анализируется образ сердца как ключевой концепт анатомического символизма в культуре в целом и в урбанистическом дискурсе в частности.

Ключевые слова: символ; иерархия; антропоморфизм; культурный код; архетипы; проекция; культура; миф./

The article deals with a special symbolic discourse of the city, which is based on the anthropomorphization of its architectural and spatial body. "Anatomical" optics of both the city and the urbanized landscape as a whole has a long history and, while transforming, continues to determine the perception of the city and the region today. The most important place in the symbolic anatomy of the city is taken by the image of the heart. The article analyses the image of the heart as a key concept of anatomical symbolism in culture in general and in urban discourse in particular.

Keywords: symbol; hierarchy; anthropomorphism; cultural code; archetypes; projection; culture; myth.

Концепт сердца в символической анатомии города / The heart concept in the symbolic anatomy of the city

Город-тело

Еще древнегреческим софистом Протагором сказано: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Два с половиной тысячелетия спустя мы можем соглашаться или не соглашаться с Протагором, но не в силах отрицать тот факт, что весь земной мир, созданный человеком в ходе достижения своих целей, и впрямь скроен по меркам его тела и сознания. Всякая охваченная цивилизацией территория, всякое пространство, освоенное человеком, суть разномасштабные проекции его представления о самом себе.

Одной из самых ярких проекций образа человека представляется город. В разное время город в разной степени метафоричности трактовался как единое тело. Аналогия с человеческим телом носила не просто сравнительный характер, но акцентировала системную сложность города, соподчиненность и координацию его частей. В своей книге «История тела в Средние века» выдающийся медиевист Жак Ле Гофф отмечает: «В Средние века тело становилось метафорическим образом государства, города, Церкви, университета, человечества... Конечно, это не являлось новостью для Западной Европы. Еще Платон в «Государстве» говорил о применимости к «идеальному полису» модели организма. <...> Позднее Гоббс в трактате «Левиафан» (1651) представлял государство как гигантское тело, образуемое огромным множеством людей, символом которого являлся суверен» [1].

Именно Средневековье генерировало и артикулировало различные институциональные сообщества, обладающие коллективной субъектностью (церковные приходы, ремесленные и мастерские объединения, монастырские и университетские комьюнити и т. д.), что давало практические основания распространять на них, а также на пространства их сосуществования метафору человеческого тела. Тело человека все более понималось и репрезентировалось как микромодель мира, как микрокосм, как воплощенное в миниатюре умозрение о Творении. При этом тело помещалось в центр картины мира, выступая его концептом, его символической «сверткой».

Чувство телесно-пластического единства города, его «анатомичность» и «физиологичность» вполне отчетливо переживались уже жителями античного полиса. Опыт городской тесноты и архитектурно-пространственной плотности способствовал распространению чувства индивидуальной телесности на окружающую человека урбанистическую среду [2]. Житель античного города как бы возвращался от пережитого в младенчестве опыта сепарации персональной телесности обратно к опыту телесного единства со средой, к опыту пренатального телесного тождества. Однако, именно начиная со Средневековья, город, понимаемый как телесное целое, все более наделялся смыслом не только в качестве совокупного тела населяющих его людей, но и в качестве пространства их жизни. Пространственное тело города постепенно проявлялось как самостоятельная ценность, которая, впрочем, символически эксплицировалась в образах и категориях тела и телесных практик. Город все более понимался и переживался как социальное тело, структурно-функциональной и символической моделью для которого служило физическое тело человека.

Для средневекового города актуальность метафоры тела определялась не только отмеченными выше факторами проецирования на пространство и архитектуру опыта человеческой телесности, но и конкретностью территориальных границ. Городские стены очерчивали и внятно артикулировали пределы урбанизированной территории подобно тому, как кожа человека ограничивает и задает внешний предел его физического тела. В современном городе, где территориальные границы размыты, понимание его как тела менее буквально, но не менее символично, чем в Средние века.

Каменное сердце человека и города

Если город – это тело, то внутри этого тела должны существовать и функционировать его структурные части и внутренние органы. На протяжении веков, с развитием метафоры тела города, формируется его символическая анатомия. Главное место в символической анатомии города занимает образ сердца. Это вполне отражает, с одной стороны, иерархическое место и ценность сердца в картине человеческого

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет /

text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

организма, а с другой – присвоенные сердцу духовные и культурно-символические значения и смыслы. Сердце понимается как главный орган человеческого тела, как средоточие и место сосуществования положительных и отрицательных моральных начал.

Уже для древних египтян сердце – важнейший орган, ответственный за ключевую перспективу человеческой судьбы – перспективу перехода в мир мертвых. Значение сердца в древнеегипетской культуре сопряжено с темой циклического возрождения человека, с темой границы жизни и смерти и перехода в мир иной. С этим связаны сложные ритуалы консервации сердца умершего человека и символические ассоциации сердца с «сердечным камнем» (материалом изготовления сосуда для хранения сердца) и с «сердечным жуком» (скарабеем, символизовавшим, помимо прочего, грядущее возрождение умершего в потустороннем мире) [3]. Ключевая ценность сердца в понимании древних египтян

– его твердость, свойство, от которого зависит успех персонального перерождения. Отсюда берет начало образ каменного сердца, впоследствии морально переосмысленный в древнееврейском теологическом дискурсе. В культуре Древнего Египта каменное сердце имеет безусловно положительную ценность, оно – концепт той трансцендентной статики духа, которая и обеспечила древнеегипетской цивилизации столь долгую жизнь. Сердце – инструмент познания божественного замысла и вместилище всех тех содержаний, которые определяют отношения человека с высшими силами. В то же время древнеегипетская культура парадоксально предъявляет к «каменному сердцу» требования легкости, пластичности, чуткости, что призвано обеспечить восприимчивость к божественному замыслу, к гармонии мира. Этот двойной оксюморон легкого, как перо, каменного сердца – центральный символический пункт мифологического «суда богини Маат», определяющего посмертную судьбу

> Пирамида Цестия в Риме

> Пирамида Цестия на гравюре Дж. Б. Пиранези

человека, его право на переход и возрождение в потустороннем мире.

За несколько тысячелетий древнеегипетский концепт сердца не просто глубоко прорастает в символическую анатомию мира, он становится одним из тех ее фундаментальных элементов, которые транслируются сквозь время и последующие культуры до наших дней. Место сердца в символической анатомии города во многом предопределено тем, что как форма человеческого сообщества город унаследовал от культуры Древнего Египта идею единства и структурно-иерархической соподчиненности частей социального организма, в контексте которого отдельная человеческая жизнь и отдельное человеческое тело есть лишь микроэлементы целого, а многочисленные человеческие сердца – лишь «молекулы» общего сердца социума. Впрочем, унаследованный от Древнего Египта концепт сердца отнюдь не буквально проявляется в урбанистическом наследии Средиземноморья и Евроатлантического культурного ареала. Ведь сама пирамидально-иерархическая конструкция древнеегипетского социума, а значит, и поселения, определяла существенный социальный и материальный разрыв между «хижинами и дворцами». Посему дошедшие до нас артефакты культуры египтян презентуют лишь верхнюю часть урбанистического тела – его наиболее твердые, устойчивые элементы, выжившие в веках. Поэтому, говоря о «древнеегипетском следе» в символической анатомии европейского города, мы имеем в виду преимущественно ментальные характеристики его урбанистического тела, ключевая среди которых – каменное сердце, орган и инструмент последовательных исторических реинкарнаций города во времени.

Впрочем, городское тело и европейская городская история доньше хранят и генерируют не только ментальные, но и вполне буквальные, связанные с гранью жизни и смерти и восходящие к древнеегипетский культуре символы, воплощенные в камне. Речь прежде всего о городских пирамидах, наследующих в той или иной мере дух древних пирамид Египта. Самый известный памятник в этом ряду – дошедшая до нас римская Пирамида Гая Цестия Эпуло (построенная в 18–12 годах до н. э. усыпальница именитого римского

горожанина, члена великой жреческой Коллегии эпулонов). После завоевания Октавианом в 31 году до н. э. Египта и вхождения его в состав Римской империи культура Египта, ее символические и материальные формы, обряды и ритуалы, вызвавшие неподдельный интерес у многих римлян, начали активно транслироваться в урбанистическое пространство Рима. Пирамида Цестия не только иллюстрирует эту «египтоманию», но и знаменует известную семиотическую преемственность, обращаясь к сакральной геометрии египтян и к формам архитектуры, концептуализирующим город как место границы миров, место перехода между жизнью и смертью, место, где египетская тема сердца – твердого, как камень, и легкого, как пух, – актуализируется и продолжает определять символизм городского тела как вместилища духа.

Другая римская пирамида, более крупная по размеру, так называемая Ватиканская, высившаяся на территории между Ватиканом и Замком Святого Ангела, согласно легенде, (нашедшей, кстати, отражение в произведениях Петрарки) служила местом захоронения Ромула, мифологического основателя Рима, что подчеркивает ее парадоксальное двойное значение символического сердца города и его главного склепа. Тем более любопытно, что пирамида эта была снесена в 1499 году по повелению папы Александра VI в связи с расширением дорожной сети Рима. И если ранее «все пути вели в Рим», то отныне священным сердцем Рима (а заодно и мира) назначался Ватикан.

В наши дни тема пирамиды как особо важного, ассоциированного с сердцем символического элемента городского тела многократно воплотилась в разных городах мира. В Париже спроектированная Бэй Юймином стеклянная луврская пирамида поставила историческую точку в развитии имперского сюжета формирования Главной парижской оси (символического позвоночника города) и, в комплексе с аркой Дефанс на противоположном конце, обозначила преемственность власти – от Людовика XIV до Франсуа Миттерана, выдвинув, впрочем, на первый план императора Наполеона и память о его египетском походе. Подобно тому, как некогда Рим Октавиана и Тиберия впитывал дух завоеванного

^ Средневековая площадь как сердце исторического города. Верона

^ Образ сердца как образ человеческого присутствия в пространстве города

Египта, Париж Наполеона наполнялся египетскими трофеями и с неизбежностью артикулировал тему сердца – как города, так и империи. Фантомная в своей прозрачности пирамида Лувра стала парадоксальной архитектурной рефлексией архетипического «каменного сердца» и завершила репрезентацию Парижа как одного и претендентов на звание «третьего Рима».

Отнюдь не претендующий на подобное звание, насчитывающий немногим более века своей истории американский Лас-Вегас не мог между тем не сотворить собственной пирамиды. Здание отеля-казино «Люксор» доводит тему древнеегипетского урбанистического следа до архитектурного кича, но при этом продолжает в игровой форме (как и положено мировой игровой столице) сохранять тему сердца города, увязывая ее с ключевой спецификой места. Не станем далее множить примеры современной «египтомании» в урбанистической культуре (таковых в мире великое множество), отметим лишь сам факт того, что египетский концепт твердого, «каменного сердца» продолжает определять многое в символической анатомии города. В ограниченных рамках статьи мы оставим за скобками тему другого важнейшего египетского сакрального сооружения – обелиска. О его значении для символической анатомии города и связи с образом сердца следовало бы написать отдельный развернутый текст.

Мягкое сердце человека и города

В отличие от представлений древних египтян, сердце у греков и римлян в большей мере связывалось с живым телом и живой душой человека, нежели с миром мертвых и перспективой перехода в него. Греки не придавали сердцу того концептуального, исключительного значения, которое у египтян определяло ключевые вопросы реинкарнации. Сердце в культуре греко-римской античности исторически меняло свой образ – от своеговольного органа, то и дело выступающего по отношению к человеку с позиций внешней, неподвластной управлению силы, до центрального, связующего все основные функции тела жизненного узла. Греческая мифология досократовского периода не жаловала сердце в качестве чего-то важного, отдавая пальму символического пер-

венства то печени, то мозгу. Однако позже, после оформления идей Аристотеля касательно отношений души и тела, после теории Гиппократов о телесных жидкостях и их циркуляции, после работ Галена, рассматривавшего сердце как источник необходимых телу энергий, образ сердца как главного человеческого органа и одновременно средоточия души надолго укрепился в европейской культуре.

Позднеантичное восприятие сердца как элемента мягкой, в отличие от камня, телесной материи было подхвачено и развито в иудео-христианском религиозно-культурном дискурсе. Органические и физические характеристики сердца стали предметом символической концептуализации. Ментальная образность сердца разрасталась тем активнее, чем ниже был уровень реальных анатомических знаний. Такие физические характеристики сердца как мягкость мышечной ткани и ее температура приобрели религиозно-нравственную семантику. Библия, в которой сердце упоминается более трехсот раз, вторя отчасти греческому, а отчасти египетскому пониманию сердца, преподносит его как средоточие духа, охватываемое в разное время как положительными, так и отрицательными эмоциями и устремлениями. Память египетского плена и опыт его преодоления заставили древних евреев противопоставить свой концепт сердца египетскому и наделять сердце соответствующими аксиологическими значениями. Каменное сердце стало синонимом жестокости, душевной черствости, бесчувственности, отсутствия сострадания и эмпатии. Мягкое же сердце обрело нравственную семантику доброты, сочувствия, любви. Холодное сердце стало образом равнодушия, безразличия, отчуждения, тогда как горячее сердце закрепились в качестве символа жертвенности и самоотдачи. «И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотное», – говорит пророк Иезекииль (Иез., 11:19–20). «Сердце единое» – важнейший концепт символической анатомии культуры и города, указывающий на единство, соподчиненность и внутреннюю взаимосвязь всех элементов социального тела. Ветхозаветная нравственная семантика сердца была подхвачена и развита христианством, обозна-

^ Памятный монумент на площади Дианы в виде золотого пылающего сердца, Париж

^ Казино-отель «Люксор», Лас-Вегас

чившим ценностный спектр духовных качеств человека и пространств его жизни между полюсами «бессердечия» и «пылающего сердца».

Весь этот христианский семиозис сердца веками определял его место в символической анатомии культуры в целом и города в частности. Удивительным образом он дожил до наших дней, преодолев рационализм и цинизм XX века, выдвинувшего на место сердца «пламенный мотор».

Уже в символической анатомии средневекового города присутствие образа сердца становится вопросом

урбанистической теологии, вопросом божественного присутствия. Глубоко религиозное сознание средневекового горожанина понимает как человеческое сердце, так и масштабно и топографически соответствующее ему «сердце города» как тоπος возникновения чувств, воли, желаний, страсти, целеполагания, ключевых экзистенциальных и моральных интенций. Но также и как место концентрации и хранения Божьей воли. В идеале сердце человека и сердце города бьются в унисон, и это интегральное сердцебиение и есть знак богохранимого и богоспасаемого города. Такая смысловая взаимо-

v Пирамида Лувра, Париж

^ Памятник Жанне Д'Арк на площади Пирамид, Париж

^ Средневековая миниатюра как пример любовной семантики сердца в эпоху рыцарства

проекция сердца человека и сердца города восходит к архетипу Небесного Иерусалима, образ которого воплощает безусловное присутствие в нем духа Божьего, но также и знаменует встречу человека с Всевышним, сердечное принятие человеком воли Творца и умещение Бога в сердце своем.

На протяжении веков топографическое представление о сердце европейского города определялось местонахождением храма (церковной доминанты) и/или ратуши либо дворца (светской доминанты). В наиболее классическом варианте храм и ратуша соседствуют, соединенные и в то же время разделенные главной городской

площадью (либо иным пространством). Это соседство отражает отношения церковной и светской властей, отношения тела и духа города в диапазоне от непримиримой конкуренции до симфонии. Культура площади с ее калейдоскопом форм жизни, с ее пульсацией смыслов, с ее инверсиями высокого и низкого, отдельного и общего, камерного и публичного наиболее точно выражает образ сердца города, пространства, в котором бьются в унисон и соединяются воедино сердца горожан.

Впрочем, в наши дни такая семантика площади или городского центра свойственна, пожалуй, лишь историческим городам, сохранившим средневековые черты символической анатомии города. При этом была нравственно-дидактическая функция «сердца города» существенно трансформирована, если не утрачена вовсе. Есть немало примеров городов, где наличие выраженного топографического и символического центра или главной площади ни в коей мере не компенсирует «бессердечного» характера среды. В контексте символической анатомии большинства современных исторических городов сердце превратилось в некий риторический конструкт и уже не связывается исключительно с темой места божественного присутствия. Но все же моральный и духовный аспекты символизма сердца продолжают иметь важное значение, а некогда всецело религиозный образ сердца (горячего, доброго, пылающего, любящего, жертвенного) трансформируется в образ человеческого присутствия и светского морального начала в жизни города и социального сообщества. Приведем лишь один пример такого рода трансформации – монументальное золотое пылающее сердце, установленное в Париже на площади Дианы в память о трагической гибели принцессы Уэльской, известной своей подвижнической благотворительной деятельностью, но не менее – и своей историей любви (кстати, любви к врачу-кардиологу, в чем также невозможно не увидеть всепронизывающий символизм сердца).

Золотое сердце Дианы – эта урбанистическая метафора гуманизма и человеческого великодушия осязимо перекликается с другой монументальной метафорой – патриотического подвижничества и героизма, сияющим позолотой памятником Жанне Д'Арк

> Анатомический человек. Миниатюра из «Великолепного часослова герцога Беррийского», XV век

^ Логотип Нью-Йорка I Love New York, разработанный графическим дизайнером Милтоном Глейзером в первой половине 1970-х годов

на площади Пирамид. Этот памятник и площадь вновь возвращают нас к теме героического сердца, как оно мыслилось многие века в дискурсе христианской культуры. Сформировавшаяся в 1803 году площадь Риволи получила в 1874 году созданную скульптором Эмануэлем Фрэмье статую Жанны Д'Арк, а более века спустя была переименована в площадь Пирамид в честь уже упоминавшегося выше египетского похода Наполеона. Таким образом, мы видим, как Париж невольно проводит символический пунктир – от милого имперской культуре египетского архетипа «каменного сердца», воплотившегося в образе луврской пирамиды, через героическое сердце Орлеанской девы к щедрому, любящему сердцу современной принцессы, к ценности мягкосердечности как человека, так и города. Эта человеческая альтернатива Главной парижской оси свидетельствует о том, что концепт сердца в символической анатомии города не теряет своего значения, эволюционируя в сторону гуманистических смыслов, в сторону признания места и роли отдельного человека, его души и тела в общей душе и едином теле города.

Сердце современного города, как правило, не имеет отчетливых пространственных или архитектурных границ, его невозможно увидеть с той однозначностью, с какой могли видеть его горожане минувших веков. Но биение этого сердца ощутимо, особенно там, где отдельный, частный человек становится мерой урбанистического величия, где его приватный жест вписан в общую хореографию городского тела, а душа стремится наполнить собой окружающее пространство, соединяясь с духом города.

Литература

1. Ле Гофф, Ж. История тела в Средние века. – Москва : Текст, 2008. – 192 с.
2. Кнабе, Г. С. Теснота и история в Древнем Риме // Материалы научной конференции «Культура и искусство античного мира», 1979 г. – Москва : Сов. художник, 1980. – С. 385–405.
3. Хейстад, У. М. История сердца в мировой культуре. – Москва : Текст, 2009. – 320 с.
4. Салмин, Л. Ю. Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса // Проект Байкал. – 2020. – № 55. – С. 46–50.

References

- Heystad, O. M. (2009). *The history of the heart in world culture*. Moscow: Text.
- Knabe, G. S. (1980). *Tesnota i istoriya v Drevnem Rime* [Narrowness and history in Ancient Rome]. Proceedings of the scientific conference “Culture and Art of the Ancient World” (pp. 385-405). Moscow: Sov. Khudozhnik.
- Le Goff, J. (2008). *History of the Body in the Middle Ages*. Moscow: Text.
- Salmin, L. (2020). Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse. *Project Baikal*, 15(55), 46-50. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1280>

v Мемориальный знак на Пайнстон-стрит, возле сада Мира в Шеффилде (Англия), установленный в память о крупном проекте по реконструкции центра города, осуществленном в 2004–2016 годах

